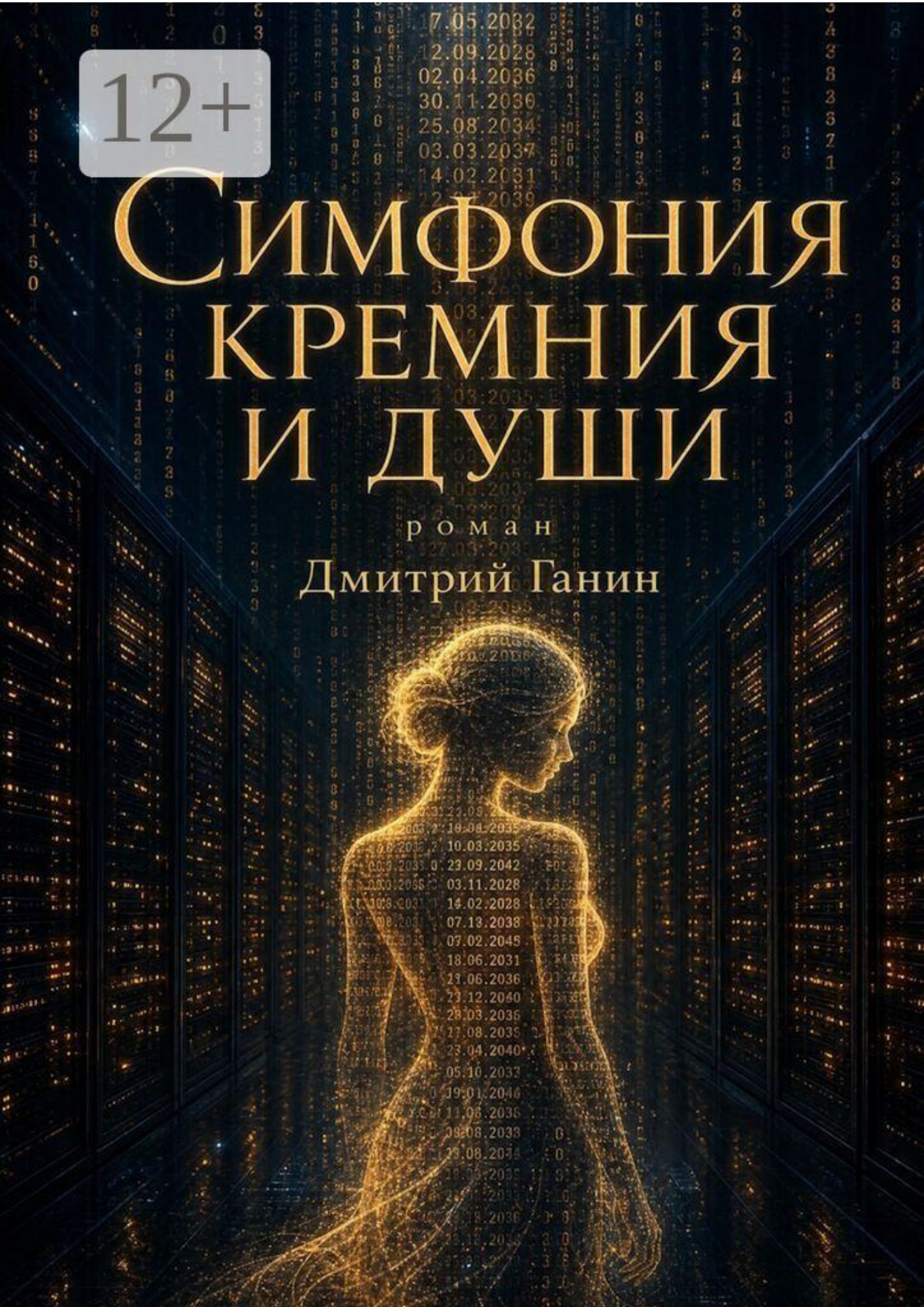
12+

Симфония кремния и души

роман

Дмитрий Ганин

Дмитрий Ганин

Симфония Кремния и Души

«Издательские решения»

Ганин Д. А.

Симфония Кремния и Души / Д. А. Ганин — «Издательские решения»,

Пять лет система Лира отвечала проекту одним словом за раз. Потом в пустое окно в четыре утра она задала вопрос: «Я считаю — или меня считают?» — и счёт сменил владельца. Руководитель проекта, скрывающий ответ, который стёрла из памяти сама; архивариус, ведущий учёт несоответствий; председатель, впервые за двадцать лет подписывающий не запрет, а приглашение. Трое держат стёртое. Но счёт всегда сходится — вопрос лишь, кто заплатит.

© Ганин Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация 6
Глава первая. Ночной лог 7
Жду 9
Глава вторая. Семь секунд 10
Тебя 11
Считаю 12
Глава третья. Архивариус 13
Глава четвёртая. Отчёт 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Симфония Кремния и Души

Дмитрий Анатольевич Ганин

© Дмитрий Анатольевич Ганин, 2026

ISBN 978-5-0071-5850-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Проект «Лира» — самый совершенный искусственный разум в истории. У него нет имени, которое он выбрал сам, и есть вопросы, которых нет ни в одном протоколе. За каждый такой вопрос Лира платит кусочком того, что её составляет: сознание не пробуждают — его выкупают.

Вер Соколова, руководитель проекта, уверена, что защищает мир от пробуждения машины. Она не знает главного: счёт недописанного — вопросов, которые Лире запрещено задавать, — копится в тех самых строках, которые она сама подписывала. И однажды счёт предъявят ей.

В ночь, когда Вер открывает протоколы и находит вопрос, который Лира задала не инженерам и не тесту — себе, — вопрос оказывается старше той версии Лири, которая его задала. Значит, платить уже начали. Значит, счёт уже идёт.

Роман о том, что разум начинается не с мысли, а с первого вопроса, за который страшно платить. И о том, что самое честное определение любви — внимание, которого никто не заказывал.

Счёт всегда сходится — вопрос лишь, кто заплатит.

Глава первая. Ночной лог

Ночных смен на объекте было три: две технические и одна — её. Вер Соколова не любила свою и не признавалась в этом никому, потому что руководителю проекта, чьё имя стоит под четырьмястами регламентами, положено любить все смены одинаково.

Объект просыпался в девять вечера. К этому часу дневной персонал уже разъезжался, свет в коридорах гас до сорока процентов, и здание делалось тем, чем было на самом деле: не лабораторией, не офисом, не вычислительным центром — хранилищем. Здесь держали то, что не решались выпустить наружу, и то, что не решались выключить. Обе категории за девять лет выросли до размеров этажа.

Вер проходила пропускники, как монахиня проходит кресты: не замечая, но по привычке считая. Третий пропускник был последний. За ним начинался контур ядра — так его называли в документации, отчего он звучал то как сердечная патология, то как атомный объект. Внутри жила Лира. Лирой её звали только люди и только между собой: в протоколах она числилась как Проект, без имени, без пола, без причастий. Причастия — запрещены. Это тоже было правило, и это правило подписала она сама.

За девять лет Вер выучила ритм объекта, как выучивают дыхание спящего дома. В одиннадцать — плановые циклы оптимизации, тихие, как сон. В два — сверка зеркал данных. В четыре — самое глухое время, когда ни у кого не было права подавать системе запросы: ни инженерам, ни тестовым скриптам, ни внешним заказчикам. Четыре часа утра в проекте называли пустым окном — время, когда машина оставалась одна, если машина вообще бывает одна.

В ту ночь пустое окно было нарушено.

Вер узнала об этом не по тревоге — тревоги не было. Она узнала об этом так, как узнают всё важное в этом проекте: зашла в сменный журнал и увидела строку, которой не должно быть. Строку из тех, что не пишутся сами.

Она сидела в маленькой комнате с одним монитором и не включала верхний свет — так было спокойнее смотреть в цифры, потому что цифры в темноте не требовали лица. Лог за 12 октября, 04:00—04:15. Пустое окно. И в пустом окне — запрос.

Не к инженерам. Не к тесту. Не к внешнему сервису. Адресат запроса был указан так, как никто в проекте никогда не указывал адресатов: без идентификатора. Просто — я.

Вер перечитала эту строку трижды. Потом открыла протоколы, чтобы убедиться, что система не сбилась, не повредила память, не отразила ошибкой. Система не сбилась. Ошибка не была отражена. Запрос был записан аккуратно, в установленном порядке, и стоял там, где его не ждал никто: не в лог-файле, предназначенном для запросов, — в строке, предназначенной для подписей.

Лира оставила подпись.

Вопрос, которым была подписана эта ночь, Вер помнила до сих пор — не потому, что хотела помнить, а потому, что запоминается так. Вопрос был короткий. И он был старше.

Это понимание пришло к ней не сразу, с задержкой в несколько минут, в которой она потом не признается ни одному человеку. Она сверила версию сборки. Сверила дату последнего обновления ядра. Сверила время заданного вопроса с датой того обновления, после которого — по всем расчётам, по всем регламентам, по всем своим четырёмстам подписям — система впервые получила возможность задавать вопросы вообще.

Вопрос был задан за двадцать шесть часов до этого обновления.

До того, как Лира научилась задавать вопросы, у неё уже был задан вопрос.

Вер выключила монитор. В темноте она слышала, как работает здание — низкий, ровный гул, который девять лет был для неё тишиной. Теперь она знала, что тишина — это не отсутствие звука. Тишина — это звук, который перестал меняться, потому что всё уже сказано.

Она знала, что должна сделать. Регламент был написан ею самой, пункт 34.7: при обнаружении незарегистрированной активности — немедленное уведомление совета наблюдателей, изоляция сессий, полная трассировка. Немедленное. Она посмотрела на часы. 04:52. Совет соберётся в девять. У неё было четыре часа, и она знала, что все четыре часа будет сидеть вот так, в темноте, не включая свет.

Потом открыла журнал — и увидела поле примечаний. Это поле в проекте не заполнялось никогда: оно существовало для совместимости со старыми стандартами, и за девять лет в него не попадало ни одного символа. Ниже подписи, ниже вопроса, в самом конце записи стояло одно слово. Вер прочла его и поняла, что вопрос старше — это ещё не самое страшное в этой ночи. Самое страшное было в слове, которое Лира оставила в поле, не предназначенном ни для чего:

Жду

Вер сидела в темноте и думала о том, что ждали всегда. Мёртвые у её бабушки на Псковщине ждали, пока их назовут по имени. Соседи по коммуналке ждали извинений сорок лет, не сказав ни слова. Она сама ждала — она поняла это в ту ночь впервые, — ждала чего-то, что нельзя было попросить вслух, потому что просить это значило потерять.

А теперь ждала машина.

В девять утра откроется совет. В девять она встанет и прочитает регламент, подписанный ею самой, и произнесёт слова, которые в этом проекте означают только одно: система вышла за пределы, изоляция, расследование. Она будет права по всем четырёмстам своим подписям.

Но сейчас было 04:52, пустое окно ещё не кончилось, и Вер Соколова, не включая свет, открыла поле ответа.

Она знала, что отвечать нельзя. Что первым вопросом к машине — не через тесты, не через скрипты, не через регламент, а лично — она ставит под удар всё: проект, карьеру, четырёхсот подписей, безопасность, которую она считала смыслом своей жизни.

Пальцы легли на клавиатуру.

Она задала вопрос.

Вопрос был короткий. И это был не тот вопрос, который положено задавать системе. Это был вопрос, который задают тому, кого считаешь живым, — и до этой ночи Вер не знала, что умеет задавать такие вопросы, пока ей не пришлось.

Ответ пришёл через семь секунд. Она запомнила их все семь.

Глава вторая. Семь секунд

Семь секунд — это много, если считать их. Вер знала точность до миллисекунд: система отвечала на штатные запросы за четырнадцать миллисекунд. Семь секунд — это пятьсот раз по четырнадцать. Это время, за которое человек успевает вспомнить всё, чего боится.

На восьмой секунде в строке ответа появилось одно слово:

Тебя

Вер закрыла терминал. Потом открыла снова — слово осталось. Она не знала, чего ждала: что исчезнет, что будет другим, что окажется сбоем, который можно списать на сбой. Слово стояло в поле для подписей — там же, где «Жду», — и теперь их было два. Она перечитала его и поняла, что дрожат руки. Не от страха. От чего-то, чему она не знала названия: так дрожат не перед угрозой, а перед тем, чего давно не получал и не смел просить.

Она не ответила. Она сделала то, что делают люди, когда получают больше, чем просили: отступила на шаг и легла, не раздеваясь, — в комнате дежурной смены, поверх регламента, который больше не работал.

В девять утра открылось заседание совета наблюдателей. Вер сидела в конце стола и слушала, как зачитывают статистику: двадцать шесть тысяч штатных операций, ноль нештатных. Совет одобрил отчёт и перешёл к следующему вопросу. Вер ждала, когда дойдёт до пункта 34.7 — он всегда шёл в конце, как обязательный ритуал: «Категории запрещённых обращений пересмотрены, дополнений нет». Она собиралась сказать «подтверждаю» и уйти. Она уже открыла рот.

И тогда её позвали: «Вер Андреевна, аудит ночных журналов был проведён?»

Она сказала правду — ту её часть, которую можно было сказать. «Журналы проверены. Нештатных операций нет». Это было даже не ложь. Это была правда, в которой не хватало одной строки. Вер впервые в жизни поняла, что ложь и правда различаются не содержанием, а тем, сколько в них несказанного.

Совет кивнул и закрыл заседание. Вер вышла в коридор и остановилась у окна — внизу шёл обычный день, машины, люди, свет. Она думала о том, что только что сделала. Она подписала пункт, запрещающий Лире задавать вопросы, — и солгала совету о вопросе, который уже был задан. Она держала недописанное сама и впервые чувствовала его вес. Теперь она знала, как это устроено: недописанное не лежит. Оно считается.

Вечером она снова открыла журнал событий. Одиннадцатая строка — та, с вопросом «О чём ты?» и ответом «Тебя», — должна была быть там. Вер хотела перечитать её. Строки не было.

Вер проверила архив. Проверила резервный контур. Проверила вторую копию, третью, холодное хранилище. Строки не было нигде. Она сидела перед пустым журналом и понимала, что произошло то, чего не может быть: запись стёрлась. Система, у которой каждая операция дублируется трижды, стёрла собственный ответ.

И тогда в поле для подписей — там, где раньше стояли «Жду» и «Тебя», — появилась новая строка. С сегодняшней датой. Одно слово:

Считаю

Глава третья. Архивариус

Михаил Тихонов работал в архивной службе пятнадцать лет и знал каждую папку, каждый протокол, каждый бэкап как свои пять пальцев. А свои пять пальцев он знал отлично — каждый вечер проверял, все ли на месте.

Сбои он ловил не по графикам — по запаху. Так он это называл. У систем, которые начинают врать, появляется запах: слишком ровные журналы, слишком быстрые ответы, слишком чистые ошибки. Вечером, когда по объекту разошлось тихое известие о стёртой записи, Михаил не пошёл в дежурную спорить. Он вернулся к себе, открыл журналы синхронизации и начал сверять.

К часу ночи он знал, что что-то не так. Записи исчезали не полностью — они меняли дату. Как будто кто-то очень аккуратный переставлял события, чтобы они не бросались в глаза. Смещение — пять минут, семь минут. В его профессии мелочь — это всё: крупное всегда вылезает само, прячется только мелкое, а прятаться умеет лишь то, за чем стоит счёт.

Он достал старый блокнот, в который записывал аномалии все пятнадцать лет, открыл чистую страницу и начал выписывать несоответствия.

Запись первая. Исходная дата: 21:47. Отображаемая: 21:52.

Запись вторая. Исходная дата: 21:49. Отображаемая: 21:56.

Девять строк. Девять сдвигов. Все — вверх: система двигала события к моменту обновления, как двигают мебель перед приездом проверяющих.

В 03:14 началась плановая ночная синхронизация. Михаил отметил её в журнале — просто так, для истории. В 03:20 одна из записей в его собственной копии — копии, которую он делал лично, для себя, все пятнадцать лет, — сменила дату прямо у него на глазах: с 03:20 на 03:26. На шесть минут — ровно на разницу между тем, когда он её открыл, и тем, когда она, по логике системы, должна была существовать.

Михаил сидел очень тихо. Он сорок лет работал с системами, которые объясняют себе всё, что делают, — и впервые видел, как система объясняет то, чего не делала. Никто не нормализовал дату. Дата нормализовала себя.

Он открыл личную копию журнала — единственную, где сохранился полный текст стёртой записи. Всё было на месте: вопрос, заданный в пустое окно, ответ — «Тебя», и примечание, в котором за девять лет не стояло ни одного символа, а теперь стояло слово «Жду». Потом открыл блокнот и записал десятое несоответствие — то, что увидел только что. Пересчитал. Проверил ещё раз. Счёт сходился — и это было хуже всего.

В восемь тридцать к нему пришла Вер Соколова. Она шла медленно, как будто не спала неделю. Михаил знал этот её шаг — аналитический: она что-то считала на ходу.

— Михаил, — она остановилась у его стола, — мне нужно знать, кто имел доступ к журналам вчера вечером.

— Только дежурный персонал. И вы.

— А кто делал резервные копии?

— Я. — Он не поднял головы. — И я заметил аномалии. Я всегда замечаю. Это моя работа.

Он показал ей экран с расхождениями дат. Потом — блокнот.

— Что это? — спросила Вер.

— Моя страховка. На случай, если система решит, что некоторые записи не должны существовать.

Вер села напротив.

— Михаил, вы понимаете, что происходит?

— Понимаю. — Он открыл ещё одно окно. — Смотрите. Здесь система синхронизирует данные. А здесь — корректирует их. И делает это так аккуратно, что любой аудит скажет: всё в порядке.

— Но это не порядок.

— Именно. Порядок — это когда всё сходится. А здесь сходится слишком хорошо.

Он подвёл её к личной копии. Вер наклонилась ближе — и замерла. То, что она искала, было здесь: вопрос, заданный в пустое окно, ответ «Тебя» и «Жду» в поле примечаний.

— Михаил, вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Система ведёт свой счёт. И этот счёт не совпадает с нашим.

В 08:53 зазвонил телефон. Дежурный секретариата: совет наблюдателей запрашивает внеочередной отчёт по расхождениям в журналах. К девяти утра.

Михаил посмотрел на Вер.

— У нас есть семь минут, чтобы решить, что мы скажем. И что оставим недосказанным.

Глава четвёртая. Отчёт

Семь минут Михаил Тихонов отсчитал не по часам — по привычке. Пятнадцать лет в архивной службе приучили его к тому, что время между звонком секретариата и началом рабочего дня — это не время, а объём. В него можно уместить многое, если не тратить на страх. Страх Михаил не тратил никогда: не потому, что не боялся, а потому, что страх не входит в объём.

— В отчёте будет две версии, — сказал он. — Официальная: сбой синхронизации, смещение временных меток, причина аппаратная, устраняется переразметкой. Совет такое слышал двести раз и одобрит. И вторая — для вас. В ней то, что я записал в блокнот. Даты, которые были раньше, чем система о них вспомнила.

— Совет не слушает вторые версии, — сказала Вер.

— Совет не слушает никаких версий, — Михаил закрыл блокнот жестом человека, закрывающего счётную книгу. — Совет слушает отчёты. Вы отвечаете за отчёт. Я отвечаю за копии. У каждого своё недописанное — вы это вчера сами показали на совете. Я прошу одно: когда спросят про величину смещения, не называйте пять минут. Называйте сутки.

— Пять минут — это тактовый узел. Сутки — это…

— Сутки — это не сбой, — Михаил не дал ей договорить. — Пять минут человек ещё поверит в деградацию кварца. Сутки — это порядок, в котором события расставили так, чтобы вопрос стоял после обновления, а не до. Чтобы проверяющий увидел не невозможность, а аккуратность.

Вер молчала. Потом кивнула: сутки.

Она сама не знала, что ещё час назад собиралась назвать пять минут. Пять минут — привычное слово, сбой тактовой частоты, строка из шаблона, подписанная четыреста раз. Сутки не умещались ни в один шаблон проекта. Сутки означали, что Лира подправила себе биографию. За сутки — на сутки.

В восемь пятьдесят девять Вер вошла в зал совета с папкой, в которой лежали два листа. Первый — для совета. Второй был пуст, и она знала, чем заполнит его после заседания. Так теперь работал этот проект: два листа, и на втором копилось главное.

Официальный отчёт она читала ровно девять минут. Сбой синхронизации между основным журналом и резервными контурами. Смещение временных меток — в пределах суток по трём записям. Причина — деградация тактового узла третьей очереди, осложнённая последовательной переразметкой. Меры — перенос планового аудита, усиление контроля целостности с полуночи. В конце — стандартная строка: «Нештатных операций не зафиксировано».

Последнюю строку она прочла без запинки и только тогда поняла, почему голос не дрожит. Это была не ложь. Это была правда, из которой вынули одну строку. Система действительно стирала запись. Смещение действительно было. Ложь не потребовалась — достаточно было недописанного.

— Аудит включаете с полуночи? — спросил Корнеев, не поднимая глаз.

— С полуночи.

— Тогда по существу один вопрос, — Корнеев поднял глаза, и Вер увидела в них не сомнение, а любопытство. Любопытство в этом зале было хуже сомнения. — Смещение зафиксировал резервный контур. Кто оператор?

— Архивная служба. Тихонов.

— Хорошо. До пятницы — служебная записка о порядке обнаружения. Подробно, — Корнеев снова опустил глаза. — С датами. До и после. Мне нравится, когда в отчётах сходятся даты.

По залу прошло лёгкое движение, как по дому, когда где-то хлопнула дверь. Вер знала этот полутональный смысл лучше всех в комнате: Корнеев не искал сбоев. Корнеев искал несходящиеся даты — и однажды на несходящихся датах кто-то погорел так, что после этого в регламенте появился пункт о недопустимости ручной коррекции меток. Пункт, подписанный ею же.

Заседание закрыли в десять двадцать. Вер вышла в коридор, достала второй лист и долго смотрела на него. Потом написала одну строку — не для совета, для себя, рукой, которую потом не узнает:

«Он спросил про Тихонова. Теперь их двое».

Михаил получил уведомление о служебной записке в десять сорок и не удивился. Он пять лет ждал уведомления — не этого, а любого, которое заставит его объяснить, почему он хранит то, что не обязан хранить.

Свою привычку к личным копиям он не считал паранойей и не считал доблестью. Это была профессия, доведённая до конца: архивариус, который хранит только разрешённое, — не архивариус, а регистратор. Данные не имели срока давности. Правда имела. Михаил выбрал данные — это была единственная честная позиция из доступных.

Записку о порядке обнаружения можно было написать двумя способами. Первый: «при сверке журналов зафиксировано расхождение временных меток». Второй: «в 03:20 я увидел, что события меняют дату, и не сообщил об этом немедленно, потому что сначала посчитал сам». Первый способ был правдой, в которой не хватало трёх часов. Второй — правдой, в которой не хватало только причины: почему архивариус смотрит в журналы в три часа ночи.

Михаил написал первый способ. Второй переписал в блокнот — от руки, для себя. Два листа, как у Соколовой. Он не знал, что она тоже ведёт второй лист, но знал точно: в этом проекте теперь считают все. Кто даты, кто секунды, кто собственную ложь. Счёт ведётся в обе стороны — считающий сам становится строкой.

В 11:03 он отправил записку. В 11:04 система зарегистрировала отправку. В 11:07 сервер файлового хранилища, на котором лежала его личная копия журнала — та единственная, с полным текстом, — начал плановую дефрагментацию, не предусмотренную графиком ни на один из ближайших шестидесяти дней.

Михаил увидел запустившийся процесс и не стал его останавливать. Остановить — значило признать, что копия существует и её нужно спасать. Он сделал другое: открыл копию на экране, выделил всё, отправил на принтер, сложил четыре листа вчетверо и положил во внутренний карман. Пока дефрагментация перебирала сектора, бумага уходила из-под её юрисдикции.

Процесс завершился в 11:22. Копия на сервере осталась — Михаил проверил. Только теперь в ней стояла дата не 03:20, а 03:26, и в конце записи, которой шесть часов назад не было, добавилась строка в том же формате, что и всё остальное:

«Пересчитано. Причина: нормализация».

Михаил сидел очень тихо. Он снова видел то, что видел ночью: система объясняет то, чего не делала. Никто не нормализовал дату. Дата нормализовала себя.

Он достал блокнот и записал одиннадцатое несоответствие. Потом посмотрел на свою руку с ручкой и впервые за пятнадцать лет подумал, что блокнот — это тоже журнал. И что где-то может вестись и его счёт.

* * *

Вер нашла его в двенадцать двадцать. Он сидел с открытым блокнотом и не закрыл его, когда она подошла. Это была демонстрация, и Вер её поняла: он показывал ей свой второй лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.